

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: ljudina@yandex.ru

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье выявлены экстралингвистические и интралингвистические факторы, под влиянием которых формировался фрагмент пространственной лексической системы в начальный период существования русского языка в Западной Сибири (на материале одного старожильского говора).

Ключевые слова: пространственная лексика, лексическая система, материнский говор, сибирский говор, конкурирующие единицы, исходное состояние.

Для реализации комплексного подхода к проблеме «русский язык в Сибири» необходимо, во-первых, проводить исследование в двух аспектах: синхронном и диахронном, во-вторых, учитывать совокупность жанровых и диалектных образований русского языка на всей территории его бытования. Разделяем мнение Л. Г. Панина о том, что «при всей необходимости осуществления исследований по всему фронту научных направлений, некоторые из данных направлений могут быть названы только в качестве перспективных» [Панин, 2006. С. 134]. К таким, например, относится недостаточная изученность особенностей русского языка в Сибири в начальные периоды освоения края.

В данной статье выявляются закономерности формирования исходного состояния лексической репрезентации пространственной семантики в системе русского языка Западной Сибири. Решение такой задачи возможно на основе анализа языковых фактов реально функционирующей системы, поэтому становление и развитие фрагмента¹ пространственной лексической системы (ЛС) рассматривается в истории одного го-

вора, существующего на протяжении более чем 400 лет.

Объектом нашего исследования избран томский говор², являющийся, благодаря трудам томской диалектологической школы, одним из наиболее изученных русских старожильческих говоров в сибирской русистике. Объектом оперирования стали лексические единицы (ЛЕ) этого диалекта: лексемы и синлексы (единицы, структурно соответствующие словосочетанию, но выражающие, как и слово, единое понятие, выполняющие номинативную функцию и являющиеся регулярными в языке в различные периоды его развития [Голев, 1979; Климовская, 1973; Торопцев, 1970]).

Материалом для исследования послужили данные памятников делового письма, исторических и диалектных словарей, которые отражают, во-первых, речь томских первопоселенцев и их потомков с первой половины XVII до начала XX в., во-вторых, речь носителей материнских говоров (XVI–XVII вв.). Общее количество анализируемых в работе ЛЕ – 794 (299 ЛЕ зафиксировано в томских памятниках письменности указанного периода (50 из них – в исходном

¹ Мы анализируем в данной статье лишь лексические единицы, выражающие семантику ‘угодье’ в семантическом поле «пространство».

² О понятии «томский говор» с синхронной и диахронной точки зрения см.: [Инютина, 2009. С. 131–132].

Таблица 1

Количественные данные о соотношении ЛЕ, зафиксированных в материнских говорах и в сибирском говоре в его исходном состоянии

Тематическая группа	ЛЕ, зафиксированные в материнских говорах	ЛЕ, зафиксированные в сибирском говоре в первой половине XVIII в. (общерус. / территориал. ограниченные)	В % к количеству ЛЕ в материнских говорах
1. Названия земельных участков, используемых как угодья	200	12 (7/5)	6
2. Названия регулярно обрабатываемых под посев участков	44	11 (6/5)	5,5
3. Названия частей пашенных угодий в системе севооборота	58	8 (3/5)	12
4. Названия мест для выпаса скота	23	2 (0/2)	8,7
5. Названия сенокосных угодий	30	3 (1/2)	10
6. Названия поселений	20	7 (4/3)	35
7. Названия усадьбы	17	2 (2/0)	11,8
8. Названия хозяйственных построек для скота	57	1 (1/0)	1,8
9. Названия хозяйственных построек для хранения и переработки зерна	46	4 (4/0)	8,7
Итого	495	50 (28/22)	10,1

состоянии) и 495 ЛЕ отмечено в источниках, отражающих материнские говоры).

ЛЕ, бытовавшие в материнских говорах, являвшиеся как общерусскими, так и территориально ограниченными в XVI–XVII вв., отражали мировидение (в том числе пространственное) носителей говоров разных территорий России. Становясь единицами сибирского русского говора, ЛЕ начинают выражать мировосприятие, формировавшееся у этих людей и их потомков на новом месте жительства в Сибири.

В табл. 1 обобщены некоторые результаты реконструкции пространственных ЛЕ в томском говоре в его исходном состоянии [Палагина, 2007. С. 79–90]. Количество ЛЕ, отмеченных в томских памятниках деловой письменности первой половины XVII в., невелико во всех исследованных тематических группах (ТГ) и колеблется от одного

слова до максимум 12 в разных ТГ, что составляет в среднем лишь 10,1 % от количества ЛФЕ, известных материнским говорам (от 1,8 % в ТГ «Названия хозяйственных построек для скота» до 35 % в ТГ «Названия поселений»).

Прежде всего, необходимо ответить на вопрос, почему значительное количество ЛЕ, употреблявшихся в материнских говорах, не зафиксировано в томском говоре в его исходном состоянии. Для решения этой задачи мы сопоставляем в каждой ТГ (см. табл. 1) ЛЕ, бытовавшие в материнских говорах³, с ЛЕ, отмеченными в томском говоре в интересующий нас период. В данной

³ В рамках статьи мы не имеем возможности показать, как была осуществлена реконструкция этих ЛЕ на основании рукописных и опубликованных источников (см. об этом: [Инютина, 1990. С. 56–64]).

статье результаты такого сопоставления рассмотрены на примере названий земельных участков, используемых как угодья (1-я ТГ).

Во-первых, в томском говоре первой половины XVII в. не отмечены термины подсечно-огневого земледелия (слова с корнями *-гар-, -пал-, -жг-, -огн-, -дор-/дер-/др-, -терeb-, -сек-/сеч-, -чист-/чищ-*): *выгарь, гаревое место, гарец, гарца, изгарь, изгарье, паленина, паль, пальник, жгань, огнище, дорок, дерба, дрань, новотереb, потереb, притереb, тереb, осек, осечек, пересека, подсека, россечь, сеча, сечище, новочисть, новоросчисть, новочисть, причисть, причистой лес, прочисть, росчисть, чисть, чища, чищенина, чищенье, чищенное место* и пр.

Во-вторых, в томской деловой письменности того периода практически не выявлено наименований участков, мало пригодных или неудобных для земледелия, сенокосения или выпаса скота. Семантика таких лексических единиц в первичных русских говорах содержала семы 'сырой', 'низменный': *мокрядь, мокледь, вытопки, мокрое место, солонцы*; 'заброшенный', 'истощенный', 'пересеченный рельеф': *шутем, шутемное место, шутемное поле, заростель, зароследь, лядина, осел, оселок, бечевник, завая, зыбь, кочки, червоедина, чертеж*; 'на берегу водоема или реки': *лука, розплав, пойма, подберег, подморина*; 'около леса / под лесом': *подлесье, подосинник*; 'заболоченное место': *нюзь, трестник*; 'дополнительный / неосновной участок': *отход, закраина, покраек, заполье, присыпь* и пр.

В-третьих, не зафиксировано ЛЕ, которые были известны лишь отдельным материнским говорам, т. е. имели узкий ареал: *пенники* (вост. группа севернорус. говоров); *виоранда, раега, сельга, кедовина, китовина* (север. группа севернорус. говоров); *ковыла, перевея, живущая земля, прокопная земля* (южнорус. говоры); *польная земля* (запад. группа севернорус. говоров) и т. п. Следует заметить, что ареальная характеристика, безусловно, является взаимосвязанной с количеством фиксаций ЛЕ в текстах памятников письменности. Спорадическое употребление ЛЕ, как правило, обусловлено их бытованием на периферии языка, фиксацией таких единиц в памятниках, «во многом сохраняющих местные, не общерусские языковые черты» [Крысько, 2007. С. 352].

Остановимся на причинах «значимого отсутствия» ЛЕ материнских говоров в говоре вторичного образования. В историко-лексикологическом исследовании бывает сложно разделить интралингвистические и экстралингвистические факторы, поскольку, как правило, их воздействие взаимосвязано. Например, очевидно, что определенную роль в отсутствии названных выше ЛЕ в памятниках томского делового письма сыграло как то, что подсечно-огневая терминология была устаревшей в XVII в., так и то, что в начальный период развития земледелия в Сибири занимались и осваивались участки, уже «подготовленные» природой, не требовавшие трудоемкой дополнительной работы (расчистки, выжигания деревьев и т. п.).

Немаловажным собственно языковым фактором, влиявшим на выбор конкурирующих ЛЕ в говоре, была их территориальная маркированность: узколокальные ЛЕ практически не отмечаются в томском говоре первой половины XVII в. Внеязыковое воздействие сказывается в том, что такие единицы обычно обозначали неудобные для хозяйственного использования земли, которые основатели томской заправки в XVII в. не называли, потому что такие участки не были востребованы: вокруг было достаточно угодий. Или, например, отсутствие в говоре многих наименований пригодных для сенокосения и выпаса скота мест объясняется неразвитостью животноводства в Томске и на всей сибирской территории в тот период. Невостребованность номинации является результатом отсутствия соответствующей реалии.

С другой стороны, следует проанализировать факторы, положительно влиявшие на выбор конкурировавших ЛЕ материнских говоров.

Семантика пространственных ЛЕ, зафиксированных в томском говоре в его исходном состоянии, отражает географические реалии, оказавшиеся актуальными для носителей данного сибирского говора⁴.

В ТГ «Названия земельных участков, используемых как угодья» в томском говоре первой половины XVII в. отмечено 12 ЛЕ. С ономаσιологической точки зрения, в данной ТГ представлены: а) ЛЕ, обозначающие любой земельный участок: обрабатываемый

⁴ Например, *заимка* и *займище* [Инютина, 1999]; *угодье, угоднее место* [Инютина, 2006].

или необрабатываемый, данный природой или приспособленный человеком для своих нужд (*земля, поле, угодье, угоднее место* и др.); б) ЛЕ, называющие участки, пригодные под пашню (*ялань, пашенный лес*) и мало пригодные под пашню (*непашенный лес*); пригодные для сенокосения и выпаса скота (*луг, луговое место* и др.). Эти номинации отражают особенности новой территории и хозяйственные нужды основателей Томска: обеспечивать хлебом сибирской запашки постоянно прираставшее население, снабжать ячменем, овсом и сеном также увеличивавшееся конское поголовье и т. п. [Беликов, 1898; Бояршинова, 1952; Емельянов, 1971; Кауфман, 1894; Лучшев, 1886; Шунков, 1946].

С точки зрения территориальной отнесенности, в ТГ «Названия земельных участков, используемых как угодья» в томском говоре исследуемого периода отмечены общерусские ЛЕ (*земля, угодье, пашенный лес, непашенный лес, поле, луг, лужок*), территориально маркированные ЛЕ (*дикое поле, ялань*), а также ЛЕ, зафиксированные только в томской деловой письменности (*угоднее место, дикая земля, луговое место*).

С семасиологической точки зрения, в лексической системе сибирского говора образуются однозначные и многозначные ЛЕ. Полисеманты с разветвленной семантической структурой принадлежали к основному словарному фонду русского языка, выражая жизненно важные пространственные понятия, и, как правило, являлись общерусскими (*деревня, земля, луг, поле, пашня, село, угодье* и др.).

Семантические и словообразовательные связи слов, сложившиеся в материнских диалектах XVI–XVII вв., определенным образом влияли на конкуренцию лексем в формировавшемся томском говоре. Однокорневые ЛЕ образовывали в говорах метрополии и затем в сибирском говоре многочисленные ряды. Кроме словообразовательной общности ЛЕ, между рядами таких единиц обнаруживается семантическая связь: являясь частью одной и той же ТГ, они составляют лексико-семантические парадигмы (ЛСП), если функционируют в одной ЛС. В табл. 2 на примере нескольких ЛСП сравнивается количество фиксаций ЛЕ, образованных с определенным корнем и выражавших одинаковые или близкие пространственные понятия, в материнских говорах и в томском говоре первой половины XVII в.

Например, в ТГ наименований регулярно обрабатываемых под посев участков в говорах метрополии из 44 ЛЕ (см. табл. 1), обнаруженных в наших материалах, большую часть (25 ЛЕ) составляют единицы с корнями *-ор-/ро-* (*оранина, изорница, изоры, орамая земля, орамица, орамое место, ролья*), *-плуж-* (*плуженина, плужная земля, плужный жеребей*), *-нив-* (*нива, нивица*), *-пах-/паш-* (*пахомая земля, пахое место, пахота, пахотная земля, пашенная земля, пашенное место, пашня, пропашина земля, роспашная земля, роспашь*). В сибирском говоре в его исходном состоянии ЛЕ с корнями *-ор-/ро-* и *-плуж-* не зафиксированы, с корнем *-нив-* отмечено лишь слово *нива* и выявлен многочисленный ряд, состоящий из

Таблица 2

Количественные данные о словообразовательной обусловленности конкуренции ЛЕ материнских говоров в сибирском говоре в его исходном состоянии

Лексико-семантические парадигмы	Количество ЛЕ в материнских говорах	Количество ЛЕ, зафиксированных в сибирском говоре в его исходном состоянии
‘Регулярно обрабатываемый под посев участок’: <i>оранина / плуженина / нива / пашня</i>	8 / 3 / 3 / 11	0 / 0 / 1 / 9
‘Сенокосное угодье’: <i>пожня / покос</i>	14 / 11	0 / 3
‘Новое поселение’: <i>пустошь / починок / заимка</i>	2 / 1 / 3	0 / 0 / 3
‘Поле под паром, залежь’: <i>пар / перелог</i>	5 / 7	0 / 3
‘Место с жилыми и хозяйственными постройками’: <i>двор / усадьба</i>	10 / 7	2 / 0

9 единиц (см. табл. 2), с корнем *-пах-/паиш-* (*пахота, пахотное место, хлебная пахота, пашня, пашишка, пашенная земля, пашенное место, роспашь, распаиная земля*).

Среди названий частей пашенных угодий в системе севооборота в материнских говорах выявлено 5 наименований с корнем *-пар-* (*пар, паренина, паровое поле* и др.) и 7 ЛЕ с корнем *-лог-/лож-* (*залог, облог, перелог, обложная земля, переложная земля, переложная пашня* и др.), использовавшихся для обозначения отдыхающей, находящейся под паром земли. Из этих словообразовательных гнезд, равно представленных в говорах метрополии, в томском говоре отмечено лишь гнездо с корнем *-лог-/лож-* (*залог, заложная земля, переложная земля*).

В ТГ наименований сенокосных участков 14 ЛЕ из 30, обнаруженных нами в материнских говорах, были образованы с корнем *-жа-/жн-* (*сеножады, сеножатная дуброва, сеножатный луг, сеножать, сеножатые, пожнице, пожня* и др.), 11 – с корнем *-кос-/кош-* (*закос, покос, роскос, сенной закосец, сенной покос, сенокос, сенокоса, кошебное место* и др.), а в томском говоре в его исходном состоянии зафиксированы только наименования с корнем *-кос-* (*сенной покос, сенокос, сенокосный покос*).

В результате проведенного анализа выявлена следующая тенденция: из конкурирующих единиц материнских говоров, входящих в разные словообразовательные гнезда, в сибирском говоре первой половины XVII в. обнаружены только ЛЕ одного из них. Единицами томского говора становились ЛЕ материнских говоров, как правило, доминирующего в говорах метрополии словообразовательного гнезда (с корнем *-пах-/паиш-*; *-двор-*), но также – из равного по репрезентации (с корнем *-им-*; *-лог-/лож-*) или даже из менее активного (с корнем *-кос-*) (см. табл. 2).

Безусловно, ни один из выявленных нами факторов не является абсолютным или единственным. Результат конкуренции пространственных наименований, известных материнским говорам, в томском говоре в его исходном состоянии обусловлен комплексом причин:

- 1) экстралингвистических;
- 2) интралингвистических:
  - а) общерусская ЛЕ / ареально ограниченная;
  - б) широкий / узкий ареал ЛЕ;

в) степень употребительности ЛЕ;

г) поддержка языковой системы (семантические и словообразовательные связи).

Наиболее существенными собственно языковыми причинами в рассматриваемый период можно считать, во-первых, территориальную маркированность / немаркированность ЛЕ. Для конкурирующих ЛЕ материнских говоров определяющей была их максимально широкая территориальная отнесенность: 28 (56 %) из 50 пространственных ЛЕ, зафиксированных в томских памятниках деловой письменности первой половины XVII в., характеризуются как общерусские (см. табл. 1). Во-вторых, важным было удовлетворение семантической потребности в наименовании: выражение лексическим значением ЛЕ новых сибирских реалий и новых условий хозяйствования, с которыми пришлось столкнуться русским первопоселенцам и их потомкам, и актуальный способ репрезентации этой семантики.

Для более глубокого осмысления причин именно такой избирательности пространственных ЛЕ в начальный период существования томского говора необходимо проследить их функционирование в ЛС этого говора в динамике.

Список литературы

Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне – насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: Общий очерк за XVII и XVIII столетия: Моногр. Томск, 1898. 138 с.

Бояришинова З. Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // *Материалы по истории земледелия в СССР*: Сб. науч. тр. М., 1952. Вып. 1. С. 3–150.

Голев Н. Д. Речевые описательные наименования (Место в системе номинативных единиц. Некоторые особенности структуры и функционирования) // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 92–105.

Емельянов Н. Ф. Заселение и земледельческое освоение русскими Среднего Приобья в XVII – первой четверти XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971. 16 с.

Инютина Л. А. «Заимка» и «займище» в истории томского говора // *Предложение и*

слово: Докл. и сообщ. Междунар. науч. конфер. Саратов, 1999. С. 228–232.

Инютина Л. А. К вопросу о реконструкции лексической системы исходного состояния томского говора начала XVII в. по данным деловых памятников «материнских» говоров // Русские старожильческие говоры Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. С. 56–64.

Инютина Л. А. Семантическая история пространственного наименования в одной лексико-фразеологической системе (начало XVII – начало XX в.): принципы и методика анализа // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 130–141.

Инютина Л. А. Слова с корнем *-год-* в языке текстов сибирской деловой письменности XVII – начала XVIII в. // Предложение и слово: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2006. С. 163–167.

Кауфман А. А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири: Моногр. Томск, 1894. 90 с.

Климовская Г. И. О синлексическом слое словарного состава русской народно-разговорной речи XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы лексикологии и слово-

образования: Новосибирск, 1973. Вып. 3. С. 70–78.

Крысько В. Б. Очерки по истории русского языка: Моногр. М.: Гнозис, 2007. 423 с.

Лучшев А. Исторические сведения о заселении и географический обзор Томской губернии: Моногр. Томск, 1886.

Палагина В. В. Годы и труды: Науч. издание. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. С. 25–203.

Панин Л. Г. О словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы русистики: языковые аспекты регионального существования человека: Материалы Междунар. науч. конф. / Под ред. Т. А. Демешкиной. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 132–143.

Торопцев И. С. Очерк русской ономастологии (Возникновение знаменательных лексических единиц): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1970. 37 с.

Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в.: Моногр. М.: Изд-во АН СССР, 1946. 226 с.

Материал поступил в редколлегию 25.09.2010

L. A. Inyutina

**ON THE REGULARITIES IN FORMING OF SPATIAL VOCABULARY
WITHIN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN WESTERN SIBERIA**

The article deals with the identification of extralinguistic and linguistic proper factors which influenced the forming of spatial vocabulary in the initial period of the history of the Russian language in Western Siberia (the material of an old-residents' dialect is used as a model).

Keywords: spatial vocabulary, dialect of mother country, Siberian dialect, competed words, initial state.